

УДК 94(100)"1935/45"

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ РУССКОГО ЭМИГРАНТА.
ПУБЛИЦИСТИКА Г. Н. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО
В ЕЖЕДНЕВНИКЕ «СЛОВАК» (1939–1945)**

А. В. Рандин

В статье рассматривается отношение русской послереволюционной эмиграции ко Второй мировой войне и к Великой отечественной войне 1941–1945 гг. на примере анализа обширной публицистики Г. Н. Гарина-Михайловского, бывшего высокопоставленного российского дипломата и крупного юриста-международника в ежедневнике «Словак» – центральном печатном органе правящей в Словацком государстве (1939–1945 гг.) Глинковой словацкой народной партии. Автор подчеркивает, что, сотрудничая в главном органе политической пропаганды авторитарного Словацкого государства – сателлита нацистской Германии и являясь сотрудником словацкого МИД, Гарин-Михайловский не был свободен в выражении своих взглядов. Тем не менее в его статьях отразилась глубокая дилемма, вставшая перед русскими эмигрантами в предвоенный и военный период: принципиальное неприятие советской власти и искренний патриотизм, любовь к России. С этой точки зрения публицистика Гарина-Михайловского хронологически распадается на две группы. В 1939–1941 годы он, подавив ненависть к «большевизму», весьма оптимистично оценивает сближение Германии и СССР, естественных геополитических союзников и «жертв» Версальской системы, которое позволит его родине вновь вернуться в число великих держав. Нападение Германии на Советский Союз стало для него трагедией, что видно по характеру его публицистики во второй половине 1941–1944 годов. Гарин-Михайловский, по всей видимости, не считал для себя возможным воспевать победы «германского оружия» на восточном фронте в духе остальных материалов «Словака», поэтому он полностью переключается с российской проблематики на критику «старых колониальных империй» (Англии и Франции) и анализ международно-политической и военно-стратегической ситуации в Средиземноморском, Тихоокеанском регионах и на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: русская эмиграция, публицистика, Г. Н. Гарин-Михайловский, Версальская система, Вторая мировая война, российско-германские отношения, российско-английские отношения, Словацкое государство, советско-финская война, война на Тихом океане.

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Рандин А. В. Вторая мировая война глазами русского эмигранта. Публицистика Г. Н. Гарина-Михайловского в ежедневнике «Словак» (1939–1945) // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 48–64.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-48-64

Вскоре после освобождения Братиславы Красной армией 4 апреля 1945 г. военная контрразведка второго Украинского фронта арестовала проживавшего здесь с семьей русского эмигранта профессора Георгия Николаевича Гарина-Михайловского¹. Произошло это, судя по дате первого допроса, около 21 апреля. Сам факт ареста удивления не вызывает: в августе 1939 г. Георгий Николаевич поступил на службу в Министерство иностранных дел недавно возникшего при решающей помощи нацистской Германии марионеточного Словацкого государства (Первая Словацкая Республика), войска которого с конца июня 1941 г. вместе с гитлеровцами активно участвовали в военных действиях на Восточном фронте. В этом ведомстве Георгий Николаевич, выдав расписку о лояльности пронацистскому словацкому правительству, работал в отделе печати и культуры вплоть до своего ареста, т. е. до самого последнего дня существования республики. Да и вся его предшествующая жизнь вызвала обоснованные подозрения следователей советской контрразведки «Смерш».

Г. Н. Гарин-Михайловский родился в 1890 году. По происхождению, без сомнения, «белая кость» и «голубая кровь», выходец из родовитой дворянской семьи, сын известного писателя и талантливого инженера-путейца Николая Георгиевича Гарина-Михайловского. Блестящий интеллектуал, в 1911 г. закончивший одновременно юридический и историко-филологический факультеты Петербургского университета и прошедшей затем основательную специализацию по международному праву в Париже, Лондоне и Вене, Георгий Николаевич по праву рождения принадлежал к дипломатической касте. Племянник Николая Валерьевича Чарыкова, российского посла в Турции и товарища министра иностранных дел, близкий родственник ряда других крупных дипломатов, он в сентябре 1914 г. был принят в Министерство иностранных дел России в качестве секретаря юрисконсультской части и быстро сделал блестящую карьеру. Февральскую революцию он встретил в возрасте 26 лет уже на должности начальника международно-правового отдела Правового департамента, в качестве которого и служил при Временном правительстве². Принадлежность к элите российской гражданской и военной бюрократии безусловно помогла молодому дипломату при старте, что он и сам признавал: «Это обстоятельство было для меня ... благоприятно, – так как делало меня «своим» уже по одному этому признаку (как известно, МИД представлял из себя всегда крайне замкнутую касту)»³. Однако дальнейшие его успехи без всякого сомнения связаны с его профессиональными

¹ Последующее краткое изложение биографии Г. Н. Гарина-Михайловского, в которой многое еще остается неизвестным, основано на следующих материалах: Harbuľová L. Ruský diplomat Georgij Nikolaevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku // Historický časopis. 2005. 53. № 2. S. 355–364; Гарбульова Л. Жизнь русского дипломата Георгия Николаевича Гарина-Михайловского в Словакии // Проблемы истории русского зарубежья. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2008. С. 177–186; См. также: «Будучи враждебно настроен установившемуся советскому строю...» (Из архивного следственного дела на Г. Н. Гарина-Михайловского / опубл. Н. М. Перемышленникова // Отечественные архивы. 1997. № 3. С. 59–78; Много важных биографических деталей рассеяно и по весьма ценным «Запискам» нашего героя. См.: Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: в 2-х кн. М., 1993.

² По иронии судьбы следующее повышение – назначение вице-директором Правового департамента (чин 5 класса) – состоялось всего за несколько дней до Октябрьского восстания, что явно не усилило его симпатий к большевикам. См.: Михайловский Г. Н. Записки. Кн. 1. С. 501–502.

³ Михайловский Г. Н. Записки. Кн. 1. С. 20.

способностями. Когда летом 1917 года специальная комиссия проверяла оправданность освобождения сотрудников МИД от призыва на фронт, то усомнилась в мотивировке «незаменимый специалист» по отношению к 26-летнему молодому человеку. И если очень многим чиновникам пришлось надеть погоны, то по отношению к нашему герою ведомство легко доказало оправданность своей оценки.

Кроме прочих обязанностей, Г. Н. Гарин-Михайловский являлся членом исполкома Общества служащих МИД (ОСМИД) – своего рода профсоюза, хотя и весьма консервативного толка. Создание подобных организаций было проявлением определенной демократизации государственного аппарата при Временном правительстве, когда чиновникам было разрешено состоять в политических партиях и создавать общественные организации [1]. Исполком ОСМИДА входил в Центральный комитет Союза Союзов служащих центрально-государственных гражданских ведомств города Петрограда (известный как «Союз Союзов»). Будучи лояльным Временному правительству, Гарин-Михайловский занимал убежденную и последовательную антибольшевистскую позицию. Мотивацию такой позиции, на наш взгляд, наглядно демонстрирует одна фраза из его воспоминаний: «После июльских дней всякая тень сомнения в германской связи большевистского движения у меня исчезла»¹. Поэтому понятно, что он сыграл весьма активную и во многом руководящую роль в организации антибольшевистского сопротивления петербургской служилой интеллигенции, «забастовки» или «саботажа» чиновников, которое вылилось в первое серьезное противостояние с советской властью.

Во время гражданской войны Георгий Николаевич участвует в белом движении, находясь на дипломатической службе в правительствах А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. После эвакуации Крыма эмигрирует в Париж, где, несмотря на выгодные предложения, официально уходит с дипломатической службы по соображениям нравственного порядка, отказавшись участвовать в «загробной жизни дипломатического ведомства... в атмосфере государственного разложения, в которую успело погрузиться белое движение в Париже»². В этом смысле весьма показательна фраза, которой Гарин-Михайловский завершает свои записки: Я «был с белым движением, пока оно вело борьбу с большевиками в крови, но не собираюсь следовать за ним, когда кровь заменяется грязью»³.

В октябре 1921 года бывший дипломат переезжает в Прагу, воспользовавшись предложением президента Чехословакии, выделившего около 50 стипендий русским ученым-эмигрантам для продолжения научной работы. Здесь он несколько отдалается от активной общественной и политической жизни, хотя и принимает участие в деятельности так называемой Пражской академической группы русских ученых-белоэмигрантов, занимаясь в основном преподавательской работой на русском юридическом факультете Пражского университета, готовит к изданию «Историю международных отношений России», пробует свои силы на литературном поприще.

К началу 1930-х годов меняется политическая обстановка в Европе, в связи с чем серьезно ухудшаются условия жизни, в том числе и материальные, для русской эмигрантской общины в Праге, закрывается русский юридический факультет.

¹ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914-1920 гг.: в 2-х кн. М., 1993. Кн. 1. С. 425.

² Там же. Кн. 2. С. 675.

³ Там же. Кн. 2. С. 676.

В 1932 году Гарин-Михайловский в поисках средств к существованию перебирается в Братиславу, попытавшись получить место профессора на кафедре международного права юридического факультета Университета Коменского. Хотя это не удалось, он с семьей остался жить в Братиславе, зарабатывая на жизнь переводами и литературным творчеством. Ситуация изменилась к лучшему в 1939 г. после возникновения Словацкого государства, которое сталкивалось с серьезными кадровыми проблемами при формировании государственного аппарата, особенно внешнеполитического ведомства. В результате полиглот и опытный дипломат нашел постоянную работу во вновь образованном Министерстве иностранных дел Словакии в качестве референта отдела печати и культуры.

О конкретном содержании работы Гарина-Михайловского в словацком МИДе пока известно мало, поэтому трудно судить, ограничивалась ли она только функциями переводчика, или же молодая и неопытная словацкая дипломатия использовала его и, так сказать, по прямому назначению. Еще сложнее понять мотивы, побудившие его пойти на службу авторитарному государству, находившемуся под влиянием гитлеровской Германии. Очевидны лишь материальные соображения влачившего скудное существование безработного профессора. Но насколько разделял он при этом идеологические принципы «людацкого» режима, в какой мере отождествлял себя с политической линией словацкого правительства? В определенной степени прояснить эти вопросы может помочь анализ его многочисленных публикаций в словацкой прессе. Общая характеристика публицистики Г. Н. Гарина-Михайловского, прежде всего статей в «Словенском деннике», содержится в указанных работах Л. Гарбульовой [2, с. 181–186; 12, с. 359–362].

Дело в том, что Г. Н. Гарин-Михайловский публиковался в словацкой прессе еще до начала работы в МИД Словакии, но и затем продолжал активную публицистическую деятельность. Примечательно, что после закрытия в 1938 г. официального органа Агарной партии – газеты «Словенски денник», он печатался главным образом в самой влиятельной словацкой газете, центральном органе правящей Глинковой словацкой народной партии (Hlinkova slovenská ľudová strana – ГСЛС) – ежедневнике «Словак», выходившем с 1918 по 1945 годы. Основателем газеты был вождем словацкой народной партии Андрей Глинка. В рабочие дни она печаталась тиражом 20 000, а в воскресенье – 30000 экземпляров [7, с. 326–327].

Здесь уместно напомнить некоторые характерные черты вновь созданного государственного образования. В Словакии установился авторитарный режим с однопартийной системой, в которой монопольное положение заняла ГСЛС. Важнейшим условием обеспечения этой монополии являлось овладение средствами массовой информации. Постепенно пресса остальных политических партий, профсоюзов и общественных организаций была запрещена или «унифицирована». Контроль над ней осуществляло Управление пропаганды, подчиненное непосредственно председателю правительства, законодательно была введена цензура. Свое влияние на словацкую журналистику оказало и Соглашение о сотрудничестве в области культуры с Германией, подписанное 1 мая 1942 г., в котором обе стороны договорились о цензуре печати в интересах сохранения дружественных отношений между обоими государствами. О политическом режиме первой Словацкой Республики, государственной идеологии, положении прессы см.: [3; 12, с. 20–40; 4; 11; 10; 13; 5, с. 559–576].

Задачи и положение прессы в обществе подобного типа с предельной ясностью сформулировал генеральный секретарь ГСЛС, председатель словацкого Союза журналистов и главный редактор «Словака» Аладар Кочиш: «При авторитарном режиме воплощается единая воля во всех областях государственной жизни, и пресса не может быть исключением. Эта воля должна проявляться и в прессе, более того, в печати она должна проявиться наиболее выпукло, ибо именно пресса в авторитарном режиме призвана привести взгляды народа в соответствие с этой волей. Следовательно, не создавать общественное мнение и таким образом разлагать нацию, но, согласно приказам, замыслам и идеям Вождя и его правительства, формировать нового человека, влиять на его убеждения, воспитывать его в духе чистого патриотизма и таким образом вести к подлинному национальному единству и конструктивной государственности»¹.

Понятно, что в такой ситуации Гарин-Михайловский в любом случае должен был придерживаться общей линии газеты, даже если предположить, что он не во всем разделял пропагандируемые в ней взгляды.

За время существования Словацкого государства (1939–1945 гг.) он опубликовал на страницах «Словака» около 130 статей с различной интенсивностью по годам. В среднем в год под его именем (Prof. Juraj Garin-Michajlovskij) выходило от десяти до двадцати больших статей, занимавших практически весь газетный лист. Профессора Гарина-Михайловского печатали главным образом на четвертой или пятой странице, где помещались серьезные аналитические материалы и комментарии. Изредка его статьи появлялись и на третьей, еще реже – на первой странице (17 ноября 1940 г.), но основном они отводились под редакционные материалы, выступления руководителей страны, перепечатку важнейших материалов немецкой прессы и актуальные сообщения с фронтов Второй мировой войны. Правда, в 1944 году он напечатался 55 раз, но в основном это были продолжающиеся публикации к пятилетней годовщине возникновения Словацкой Республики под общим названием «Как возникали новые европейские государства в XIX и XX столетиях?», которые выглядят как подготовительные материалы к вышедшей в апреле того же года книге на немецком языке «Возникновение Словацкой Республики как историческая необходимость европейского развития», хотя сам автор прямо об этом не говорит².

Проблематика публицистики Гарина-Михайловского весьма широка и многообразна: фундаментальные и теоретические вопросы международного права и международных отношений, внешняя политика мировых держав, в том числе СССР и Германии, в предвоенные и военные годы, анализ революционных потрясений в Европе (как правило в связи с юбилейными датами) в критическом сравнении с Октябрьской революцией, история и культура России, литературные переводы (фрагмент финского эпоса «Калевала») и другие темы, каждая из которых заслуживает специального рассмотрения. Мы же сосредоточимся на материалах, целиком или преимущественно посвященных Второй мировой войне, наиболее жгучей проблеме того времени, в которых, как представляется, должна была отчетливо проявиться и личная позиция автора.

¹ Slovenská politika. 1942. 13. jan. S. 2. Založenie miestnej odbočky Sväzu novinárov v Žiline. Аладар Кочиш занимал также пост министра образования и народного просвещения в последнем правительстве Словакии.

² Garin-Michajlovskij. J. Die Entstehung der Slovakischen Republik als historische Notwendigkeit der Entwicklung Europas. Bratislava, 1944.

В 1939–1944 годы Г. Н. Гарин-Михайловский опубликовал в целом 36 статей на эту тему¹. Их анализ целесообразно начать с весьма специфического материала, напечатанного в «Словаке» 11 июня 1939 г. под названием «Возможен ли искренний союз между демократией и большевизмом?»². Это был своего рода прогноз на будущее в связи с нарастающей угрозой новой мировой войны, в котором можно найти в несколько странном симбиозе как несомненные заблуждения, так и удивительно глубокие предвидения.

Констатируя, что западные демократии, обеспокоенные крупными политическими и дипломатическими успехами Германии и Италии в 1938–1939 гг., ищут военного союза с СССР и даже готовы при этом забыть об «идеологических противоречиях», Гарин-Михайловский пишет: «Допустим на мгновение невероятную вещь, что началась мировая война против Германии, Италии, Японии, Испании и их возможных союзников. Допустим еще более невозможную картину, что Германия, Италия и их союзники потерпят поражение. Разве можно себе представить новый Версаль во главе с Францией, Англией, Североамериканскими Соединенными Штатами и СССР?... Разве мыслимо, чтобы победоносный большевизм удовлетворился скромной ролью бескорыстного помощника англоамериканского капиталистического империализма? Возможно ли, чтобы большевистские революционеры воздержались бы от попыток осуществить мировую социальную революцию, если бы фашизм был побежден?... Я думаю, что на второй же день после победы вспыхнула бы новая война между победителями, т. е. между демократическими плутократиями с одной стороны и СССР с другой стороны».

Придя в ужас от им же созданного апокалиптического образа, автор немедленно принялся доказывать его нереальность. По его убеждению, начало новой мировой войны с участием Советского Союза неизбежно привело бы к внутреннему кризису в стране и падению большевистского режима. Гарин-Михайловский прибегает к излюбленным им историческим аргументам и подчеркивает, что в XX веке Россия не выиграла ни одной войны, а военные поражения приводили, как правило, к революционным потрясениям. Тем более, если речь идет об участии в войне против Германии, с которой у России никогда не было объективных причин для враждебности. «И сейчас, если бы большевистское правительство начало войну против Германии, то сначала надо было бы выбросить труп Ленина из его мавзолея на Красной площади в Москве, ибо именно Ленин был наибольшим германофилом и противником западных демократий». Поэтому объективно Запад не может рассчитывать на помощь Советского Союза. «Искренний союз между демократией и большевизмом является дипломатической квадратурой круга, и все усилия дипломатического искусства не могут принести положительных политических результатов... Задачей мировой истории является не ликвидация фашизма, а ликвидация большевизма. Между Францией, Англией, Североамериканскими Соединенными Штатами

¹ Последний материал под его именем вышел 1 сентября 1944 г. См.: Slovák. 1942. 1 sept. S. 4. Osemdesiate výročie podpísania Ženevskej konvencie. В 1945 году накануне краха словацкого государства наш автор уже не публиковался, хотя находился в Братиславе. Последний номер «Словака» вышел 4 апреля 1945 г. на Пасху и в день освобождения Братиславы Красной армией. Естественно, что тематика практически всех его публикаций хотя бы косвенно находится в контексте Второй мировой войны, но мы будем анализировать только те из них, которые непосредственно посвящены различным аспектам этой проблематики.

² Slovak. 1939. 11. jun. S. 4. Či je možné úprimné spojenectvo medzi demokraciou a boľševizmom?

и их культурой существует гораздо больше общих моральных уз с Германией и Италией с их тысячелетней культурой, чем с советским большевизмом».

Как видим, убежденный антикоммунист во многом ошибался. Вторая мировая война все же началась, и антигитлеровская коалиция западных держав с СССР стала реальностью, не приведя к падению советской власти, а фашизм потерпел поражение, и новый Версаль в определенном смысле состоялся, и Ленин все еще лежит в мавзолее. Но с другой стороны, между победителями действительно немедленно началась война, к счастью пока «холодная».

В последующее время Гарин-Михайловский много пишет о причинах возникновения нового мирового конфликта. В этом контексте внимание привлекает серия статей (28 июня и 11 ноября 1939 г., а также 28 июня 1940 г.), посвященных Версальской системе, определившей устройство Европы после окончания Первой мировой войны. В них много общего. Автор констатирует крах этой системы, подчеркивая, что в настоящее время из 1914 статей всех договоров, подписанных по окончании войны, сохранили действие только около 100, более 1800 было отменено, нарушено или заменено новыми. «Поэтому можно смело говорить о полном крахе всей Версальской системы»¹. При этом автор делает особый акцент на несправедливости послевоенного миропорядка. Творцы Версальского мира «воплотили дух несправедливости по отношению к побежденным народам...». В Версале последовательно проводилось различие между великими державами и остальными государствами. Пять великих держав, так называемая «большая пятерка», принимали решения по всем вопросам, а остальные страны участвовали в заседаниях только тогда, когда они касались именно их национальных интересов. «Таким образом, Версальский мир был диктатом не только по отношению к Германии и другим проигравшим войну государствам, но являлся также диктатом союзных великих держав по отношению к своим меньшим союзникам»².

Особенно критическую позицию во всех статьях занимает Гарин-Михайловский по отношению к Лиге наций: «Целью Лиги наций было установить навечно господство великих держав (собственно франко-английского империализма над другими государствами мира)... Эта институция, которая должна была укрепить международное право, в действительности его подорвала, ибо фактически уничтожила право на нейтральность, то есть важнейшую часть современного международного права. Лига наций замышляла создать централизацию мировой международной политики во время мира, а в случае войны подчинить малые государства великим державам. Созданием Лиги наций версальский конгресс создал удивительную мешанину конкретных империалистических интересов победителей и утопических новшеств, которые привели к краху всю версальскую систему.

¹ Slovák. 1939. 28. jun. 1939. S. 3. Prečo sa srútil versajlský mier (k 20. výročiu jeho uzavretia). «Сейчас вся международная политическая система, созданная версальским миром, рухнула» – См.: Slovák. 1939. 12. nov. S. 4. Krach versajlského mieru vo východnej Europe.

² Slovák. 1939. 28. jun. 1939. S. 3. Prečo sa srútil versajlský mier (k 20. výročiu jeho uzavretia). «... Главной ошибкой версальского договора было именно то, что он не дал мира». Версальский диктат «имел целью покорить немецкий народ политически, в военном отношении и экономически, не говоря об условиях, которые имели характер унижительный... Версальский договор не только не успокоил разыгравшиеся страсти национальной ненависти, но наоборот, неправильным определением границ новых государств, которые не соответствовали этническому принципу, обострил эту ненависть до крайности». См.: Slovák. 1940. 28. jun. S. 5. Nekrolog Versajlskej smluvy.

Это и есть та прославленная коллективная безопасность, которая становится самой большой опасностью для малых государств... Это был не инструмент мира, а инструмент будущей мировой войны»¹.

С другой стороны, по ряду оценок статья, написанная к двадцатилетней годовщине Версальского мира (28 июня 1939 г.), существенно отличается от двух последующих, что, очевидно, было связано с быстро меняющейся международной и военно-политической ситуацией в Европе². Особенно разительно изменился взгляд автора на так называемый «русский вопрос» и его роль в распаде версальской системы и развязывании Второй мировой войны. В первом материале Гарин-Михайловский еще стоит на классической «белогвардейской» позиции. Позволим себе пространную цитату, поскольку она весьма показательна и с предельной четкостью формулирует эту позицию: «Второй вещью, которая удивляет в версальском мире, является его отношение к русскому вопросу... Версальский конгресс освободил советскую Россию от всех обязательств по отношению к Германии, но абсолютно игнорировал большевистский вопрос. Большевизм допустил множество нарушений международного права, начиная от конфискации всего частного имущества иностранцев по всей России и заканчивая отказом от уплаты царских долгов. Версальский договор не делает даже намека на нарушение международного права большевистским режимом в огромной Российской империи, а говорит о России только то, что она имеет право присоединиться к версальскому миру. СССР весьма мудро не присоединился к версальскому миру, и это единственная позитивная сторона большевистской дипломатии. Но это игнорирование постоянного нарушения международного права большевизмом и их безнаказанность является весьма деморализующим примером для всего человечества. Версальский мир был неумолим по отношению к Германии якобы потому, что Германия нарушала международное право во время войны, но по отношению к советской России, которая допустила беспрецедентное нарушение международного права на своей огромной территории и открыто проповедовала мировую социальную революцию, не нашел ни малейшего осуждения...

Игнорирование большевистской проблемы является ахиллесовой пятой версальского мира... Большевистская проблема в России стоит перед Европой и перед всем миром точно так же, как она стояла двадцать лет назад. Это обстоятельство является причиной хрупкости версальского мира, и пока в обширной Российской державе будет существовать большевизм, не будет покоя ни в одном деле...»³.

Итак, по мнению Гарина-Михайловского, державы-победительницы выступили чуть ли не в роли покровителей большевистского режима, допустив историческую несправедливость по отношению к Германии, что и послужило одной из главных причин будущего распада версальской системы и, надо понимать, возникновения

¹ Slovák. 1939. 28. jun. 1939. S. 3. Prečo sa srútil versajlský mier (k 20. výročiu jeho uzavretia). «Чтобы довершить этот политический и экономический хаос, была создана Лига наций, действительной целью которой было восстанавливать друг против друга народы в средней и восточной Европы и препятствовать их согласию между собой». – См.: Slovák. 1939. 12. nov. S. 4. Krach versajlského mieru vo východnej Európe.

² Первая публикация вышла еще до начала мировой войны, а две другие (12 ноября 1939 г. и 28 июня 1940 г.) появились уже в обстановке войны и после подписания советско-германского договора о ненападении.

³ Slovák. 1939. 28. jun. 1939. S. 3. Prečo sa srútil versajlský mier (k 20. výročiu jeho uzavretia).

нового мирового пожара. Но вот прошло всего несколько месяцев, и что же пишет Георгий Николаевич на эту тему в своей статье «Крах версальского мира в восточной Европе?»¹.

В центре его внимания договор о ненападении между Германией и Россией, подписанный 23 августа 1939 г., который автор оценивает очень высоко: «Нынешнее русско-немецкое соглашение является логическим следствием вековой истории взаимных отношений двух великих народов, особенно последних двадцати лет. Основой этого соглашения является не случайность или дипломатическая интрига, но осознание общих интересов, которые вытекают из объективных обстоятельств нынешней международной ситуации, и это осознание придает силу и прочность русско-немецкой дружбе».

Германии удалось восстановить свои позиции в Центральной Европе, а его соглашение с Россией позволило последней исправить ошибки Первой мировой войны. «Россия и Германия в некоторых направлениях еще не достигли предвоенных границ, но в некоторых направлениях их уже перешагнули. Россия получила от Польши на основании соглашения с Германией 13 миллионов белорусов и украинцев. В Балтийском море России удалось получить в Эстонии, Латвии и Литве новые стратегические базы, которые в действительности означают военный протекторат славянской великой державы над этими государствами. Можно надеяться, что реализуется и русско-финское соглашение, и что Россия будет иметь выгодное стратегическое положение и в Финском и Ботническом заливе Балтийского моря. «И, несколько неожиданно заключает Гарин-Михайловский, «чем теснее и искреннее будет русско-немецкая дружба, тем лучше будут результаты этой дружбы не только для Германии и России, но и для остальных миролюбивых европейских народов».

Почему? Здесь автор возвращается к характеристике Версальской системы и подчеркивает, что «Версальский мир имеет двойное лицо. С одной стороны, его целью было ослабление Германии, а с другой стороны, ослабление России. Германия была ограблена в колониях, а в Европе территориально искалечена, не говоря уже о экономическом рабстве, которое угрожало существованию немецкой нации.... Что касается России, то... Англия и Франция боялись панславизма, то есть объединения всех славян под главенством России, также точно, как они боялись пангерманизма. Победители на Версальском конгрессе... поддерживали «панполонизм» и «панчехизм» как противовес славянофильскому «панрусизму». Вся Средняя и Восточная Европа была дезорганизована политически и экономически, чтобы воспрепятствовать Германии и России. Эта дезорганизация проявлялась в создании множества государств с совершенно невозможными границами, которые были в противоречии с этническими принципами «теории самоопределения наций»². В комментарии в связи с 21-й годовщиной Версальского договора Г. Н. Гарин-Михайловский поднимает свой анализ на новый уровень. Его создатели старались не только повредить России и Германии. Речь идет о заговоре

¹ Slovák. 1939. 12 nov. S. 4. Krach versajlského mieru vo východnej Europe

² В статье «Некролог Версальского договора» Гарин-Михайловский поясняет свою мысль: «Вместо одной большой Австро-Венгрии Версальский договор создал несколько малых Австро-Венгрий. Приведем, например, Польшу и Чехословакию, которые со своими невозможными границами включали несколько народностей. Эти государства имели все недостатки габсбургской монархии, но не имели экономических преимуществ, которыми обладала 50-миллионная держава». См.: Slovák. 1940. 28 jun. S. 5. Nekrolog Versajlskej smluvy.

«внеевропейских держав» (Америки, Японии и Англии), стремившихся воспрепятствовать возможной европейской интеграции. «Настоящей целью Версальского мира было создание таких условий, которые вызвали бы постоянную слабость Европы и сделали бы невозможной ее консолидацию». Тот факт, что европейская страна – Франция, выступила орудием в руках «заговорщиков», стал трагической ошибкой, сыгравшей роковую роль в ее судьбе. «Франция взяла на себя роль жандарма Версальского диктата, и результатом этого является сегодняшняя трагедия Франции. Немецкое знамя реет над Версальским дворцом в день 21 годовщины Версальского мира..., когда Франция в Версале предала европейскую солидарность в пользу Англии...»¹.

Как видим, нет больше морализаторских сентенций об исторической несправедливости к побежденной Германии и ее союзникам, об отказе от христианских принципов милосердия, а главное, ни слова о большевизме и его преступлениях. Все предельно просто: версальская система есть реализация дьявольского плана неевропейских по своей сути стран, прежде всего английского империализма, по сохранению и укреплению господства над намеренно погруженной в хаос Европой. Историческая миссия разрушить эти козни и создать новую объединенную и сильную Европу принадлежит восставшим из пепла естественным союзникам Германии и России, в прочность союза между которыми Гарин-Михайловский в это время, как представляется, искренне поверил.

Может быть поэтому он так болезненно воспринял советско-финский конфликт, «зимнюю войну» (30 ноября 1939 г. – 12 марта 1940 г.), когда не удалось реализовать «русско-финское соглашение», на которое, как мы видели, он надеялся в связи с подписанием советско-германского договора о ненападении. Этому посвящена публикация «Трагедия русско-финской войны»².

«Трагедия русско-финской войны заключается не только в том, что на одной стороне молодой финский народ, который насчитывает менее 4 миллионов человек, а на другой стороне огромная мировая держава, которая имеет 180 миллионов населения. Трагедия в действительности состоит в том, что Голиаф и Давид в этом случае являются родственниками по крови...». Гарин-Михайловский в духе концепции В. О. Ключевского прослеживает историю русско-финских связей с древнейших времен, когда в IX столетии некоторые славянские и финские народы основали новое государство, названное позже Русью, а затем славяне слились с финнами в новое великорусское племя. «Нам сейчас тяжело определить в точных числах, сколько процентов славянской, финской или норманнской крови в великорусском племени. Можно предположить, что финской крови больше, чем славянской и норманнской... Можно смело утверждать, что московское государство в действительности было государством этнически славянско-финским с преобладанием финской крови. Финский элемент под влиянием славяно-греческой христианской культуры полностью утратил свое национальное сознание и слился со славянами в русский народ, который стал господином огромной державы, распростирающейся от Балтийского моря до Тихого океана».

Как считает автор, финны, живущие в современной Финляндии и столетия находившиеся под господством шведов, «сейчас являются весьма развитым европейским

¹ Slovák. 1940. 28 jun. S. 5. Nekrolog Versaillskej smluvy.

² Slovák. 1940. 3 jan. 1940. Tragédia rusko-fínskej vojny.

народом, который принял скандинавскую культуру»¹. Но при всех различиях между финнами в Финляндии и между русским полуфинским, полуславянским народом есть много общего. По убеждению Гарина-Михайловского, разразившийся конфликт представляет собой «братоубийственный бой», который должен быть как можно скорее прекращен. «Чтобы Финляндия не получила удар в спину, она должна повернуться лицом к русскому народу. Кроме того, культурный финский народ может играть значительную роль в культурном строительстве огромной России, которая будет и в будущем еще долго нуждаться в культурных силах, так же как нуждалась в них и в прошлом. История финской расы в восточной Европе диктуют Финляндии русскую ориентацию, ибо западная ориентация является пережитком прошлого».

Мысль о продуктивности договора о ненападении между Советским Союзом и Германией наш автор развивает и в других статьях 1940 года, в частности в аналитическом материале «Россия и Германия»². Он отмечает, что многие сомневались в его долговечности из-за непреодолимых идеологических различий. Но по прошествии года очевидно, что пакт не только продолжается, но и принес обоим государствам огромные выгоды. «Германия не смогла бы с такой легкостью и так быстро достичь победы над Польшей, Норвегией, Голландией, Бельгией, Люксембургом и особенно Францией... если бы ее спина не была прикрыта именно со стороны России. И не только это! Экономическая помощь России позволила Германии высвободиться и сделать невозможным успех блокады западных держав. Выгоды для Германии, следовательно, целиком понятны... История Германии и России учит нас, что... Германия всегда будет иметь врагов на западе и не будет в состоянии одержать победу над западным противником без дружественного отношения к России».

При этом, как считает Гарин-Михайловский, «выгоды... для России еще большие. Война против Финляндии, если бы не было Германии, которая воспрепятствовала предоставлению помощи Финляндии со стороны Англии и Франции, могла легко вызвать общеевропейскую коалицию против России». Западные державы стремились повлиять на общественное мнение через Лигу наций, вынуждая ее исключить Россию. Это должно было послужить прологом широкой военной акции против России. Дипломатические документы, опубликованные Германией, ясно показывают агрессивные намерения против России, как на севере, так и на юге, в частности на Кавказе³.

¹ Примечательно, что Гарин-Михайловский совсем иначе и негативно оценивает перспективы финских народов, живущих на территории СССР: «И сейчас на территории России живут остатки диких финских племен с языческой религией и весьма примитивной культурой и очень простой речью для общины угро-финского происхождения. Это чуваша, мордва, черемисы и другие. Эти осколки финских народов настолько примитивны, что не играют никакой роли в российском государстве. Советская власть в последние 20 лет сделала многое, чтобы развить в этих диких осколках национальное сознание, но, как кажется, эти племена со временем станут не финнами, а русскими, как это произошло в прошлом с остальными финскими племенами».

² Slovák. 1940. 22 sept. S. 4. Rusko a Nemecko.

³ Об этом подробнее говорится в статье, подводящей итоги 1940 года. Речь идет о документах английского и французского генеральных штабов, обнаруженных немцами в Париже. «Агрессивные планы Англии и Франции были раскрыты упомянутыми документами, которые были опубликованы и в мировой прессе. Интересно, что англичане готовили бомбардировку Баку и его широко известных нефтеперерабатывающих заводов, хотя ни Франция, ни Англия не находились в состоянии войны с СССР. Бомбардировкой в Баку они хотели повредить нефтепровод между Батуми и Баку, чтобы таким образом воспрепятствовать снабжению Германии русской нефтью. См.: Slovák. 1940. 1. jan. 1940. S. 5. Dejinný význam roku 1940.

В статье особенно подчеркивается, что Россия без войны увеличила свою территорию более чем на 500000 квадратных километров с 23 миллионами населения. «России удалось получить территории, которые она потеряла после мировой войны, а кроме того некоторые территории, как например, Галицию, которая принадлежала России 700 лет назад. Все эти поразительные успехи Россия могла достичь лишь при договоре с Германией...». Как считает автор, кроме политических выгод имеют место все предпосылки для экономического союза. Германия – промышленная держава с высокоразвитой технологией, а СССР при всех усилиях по индустриализации – по преимуществу аграрная страна с огромными природными богатствами и сырьем. Россия будет потреблять немецкие промышленные изделия, а Германия – российское сырье и сельскохозяйственные продукты.

«Взаимная выгода этого пакта продемонстрировала всему миру, что государственные интересы взяли верх над интересами идеологическими, хотя идеология государств находилась в большом противоречии», – заключает Гарин-Михайловский.

В статье «Историческое значение 1940 года», опубликованной 1 января 1941 г., автор, оценивая военно-политическую обстановку в Европе, с удовлетворением констатирует, что Англия, начавшая войну вместе с Францией третьего сентября 1939 г., осталась единственной великой державой, которая еще продолжает сопротивляться державам Оси после падения Франции и капитуляции Норвегии, Голландии и Бельгии. При этом он стремится доказать, что война, объявленная Англией, имеет агрессивный, а не оборонительный характер. В этой связи интерес вызывает его оценка положения СССР в создавшейся ситуации, в которой лишней раз акцентируется необходимость его ориентации на Германию: «Россия является в этой войне нейтральным государством, что однако не означает, что она занимает одинаковую позицию по отношению к обеим ведущим войну великим державам. Россия хорошо знает, что все, что она получила благодаря своей дружбе с Германией, она потеряет в случае английской победы, ибо в Лондоне сейчас находятся эмигрантские правительства (польское и др.), официально признанные Англией. Это польское эмигрантское правительство уже является в принципе неприятелем России»¹.

В самом конце 1940 года Гарин-Михайловский публикует статью, посвященную проблеме черноморских проливов в «связи греко-итальянской войной и неясной ситуацией с Турцией ... с точки зрения главного интересанта, то есть России»². Проследив историю этого ключевого вопроса российской внешней политики, он констатирует, что «рано или поздно Россия должна обеспечить в той или иной форме свое исключительное влияние на берегах Босфора и Дарданелл, причем в равной степени как по военно-стратегическим причинам, так и из чисто экономического интереса». А главного противника в деле утверждения России в проливах он усматривает в духе своих предшествующих публикаций прежде всего в Англии. В этой связи он указывает на ее антироссийскую позицию в период Крымской войны, русско-турецкой кампании 1877–1878 гг., а также во времена Первой мировой войны, явно давая понять, что и сейчас Советский Союз должен иметь в виду неизбежное противодействие Великобритании.

¹ Slovák. 1940. 1. jan. 1940. S. 5. Dejinný význam roku 1940.

² Slovák. 1940. 14. dec. 1940. S. 5. Rusko a otázka čiernomorských úžin.

Не нужно думать, что в это время (1939 – начало 1941 гг.) Г. Н. Гарин-Михайловский в связи с мировой войной концентрируется только на России и ее взаимоотношениях с Германией, хотя эта проблематика преобладает. Понятно, что он пишет и на иные темы. Большое внимание уделяется, например, военно-стратегическому положению в Средиземном море¹ или на Дальнем Востоке², ситуации в бассейне Балтийского моря, в частности гданьской проблеме в отношениях между Германией и Польшей³, а также некоторым другим вопросам.

После нападения нацистской Германии на Советский союз 22 июня 1941 г. и вступления Словакии в войну содержание публицистики Гарина-Михайловского существенно меняется. Нельзя сказать, что российская проблематика исчезает совсем, но сводится к минимуму. При этом он никогда не реагирует на развитие актуальной ситуации на Восточном фронте, хотя страницы «Словака» буквально пестрят сообщениями с театра боевых действий. Даже в статье, приуроченной к падению Севастополя⁴ и помещенной на первой странице газеты (!) рядом с восторженной передовицей «После падения Севастополя. Сокрушительное немецкое наступление на всех фронтах»⁵, Гарин-Михайловский весьма сдержанно пишет: «Падение Севастополя явно имеет важное стратегическое значение. Даже беглый взгляд на карту указывает нам правильность выбора этого места как важного стратегического пункта, весьма подходящего для создания сильной морской базы, посредством которой можно надежно контролировать все Черное море... Севастополь для России является самой сильной крепостью и портом на побережье Черного моря... Но не только сам город является крепостью, но и весь полуостров Крым. Утрата Севастополя невосполнима, ибо тем самым Крым полностью открыт и может служить восточными воротами для дальнейшего продвижения по направлению на Кавказ». А затем он переходит к истории Крыма, которую в чисто академическом духе подробно описывает, начиная с римских времен вплоть до Октябрьской революции и гражданской войны.

Казалось бы, что в такой статье, как «Ислам и большевизм»⁶, есть прекрасная возможность коснуться положения и роли мусульманских народов Советского Союза в Великой Отечественной войне. Но Гарин-Михайловский ограничивается анализом и критикой политики большевиков по отношению к исламу в первые послереволюционные годы.

Определенным исключением выпядит публикация «Исторические основы английской стратегии (к первой годовщине сотрудничества Англии с СССР)»⁷, написанная в связи с заключением советско-английского договора «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимопомощи после войны» 26 мая 1942 года. Статья наполнена довольно резкими

¹ Slovák. 1940. 6. jun. S. 5. Taliansko v boji o Stredizemné more; Slovák. 1941. 16 apr. S. 5. Vojensko-strategický význam Stredizemného mora; Slovák. 1941. 1 jun. S. 7. Medzinárodno-politický a vojensko-strategický význam Portugalska.

² Slovák. 1939. 9 jul. S. 5. India alebo Gdansk? Čo sa robí na Ďalekom východe?; Slovák. 1940. 22 okt. S. 4. Svetové poslanie Japonska.

³ Slovák. 1939. S. 4. Čo sa robí na Baltickom mori.

⁴ Slovák. 1942. 3 jul. S. 1–2. Význam Sevastopoľa v dejinách Ruska.

⁵ Slovák. 1942. 3 jul. S. 1. Po páde Sevastopoľa. Zdrucujúca nemecká ofenzíva na všetkých frontoch.

⁶ Slovák. 1942. 21 apr. S. 5. Islam a boľ ševizmus.

⁷ Slovák. 1942. 21 jun. S. 3. Dejinné základy anglickej stratégie (K prevému výročiu spolupráce Anglicka so SSSR).

оценками этого сотрудничества. «Истинное значение новейшего дипломатического документа покажет будущее. Но ... и по подписании договора англичане и впредь остались англичанами, а большевики – большевиками... Оба партнера хорошо знают, что между заключением соглашения и его реализацией точно такое же различие, как между адом и раем, когда один из партнеров является воплощением капитализма и плутократии в их наихудших формах, а второй партнер является апостолом идеи мировой коммунистической революции...». При этом для автора Великобритания является безусловно наиболее коварным из партнеров: «Отношение английской стратегии к английской дипломатии можно выразить так: стратегия всегда должна позаботиться о том, чтобы дипломатия не должна была выполнять договоры, которые должны быть по каким либо причинам подписаны, но выполнение которых повредило бы интересам Англии». В этом контексте и в исторической ретроспективе Гарин-Михайловский и оценивает англо-советское военное соглашение 1942 года «Согласно последнему договору Англия пообещала советской России, что примет активное участие в войне в Европе. Вы только посмотрите, только сейчас, после года ожесточенной борьбы, когда Россия уже потеряла большие территории, много войска и огромное количество военного материала, Англия приходит своему союзнику на помощь обещаниями! Но история является верным зеркалом английской стратегии и нам достаточно лишь бегло взглянуть в него, и нам становится ясным, какую цену будет иметь так горячо обещанная помощь Англии».

При всей своей нелицеприятности статья не содержит почти ничего нового. В сущности, Гарин-Михайловский возвращается к главным мыслям, изложенным им еще в 1939 г. в уже рассматривавшейся выше публикации «Возможен ли искренний союз между демократией и большевизмом?».

По сути дела это все, что написал Гарин-Михайловский о войне между Советским Союзом и Германией. Битва под Москвой, летнее отступление Красной армии в 1942 г., Сталинград, Курск, бои на подступах к Словакии, всем этими событиями заполнены страницы «Словака», а наш автор молчит. Вернее, пишет о другом, по преимуществу о ситуации на Дальнем Востоке, о победах и поражениях Японии в Тихоокеанском регионе¹.

Совершенно очевидно, что Георгий Николаевич сознательно избегает проблематики, связанной с войной между Советским Союзом и нацистской Германией. Представляется, что это связано как с характером периодического издания, в котором он публиковался, так и со спецификой развития международной ситуации в предвоенные и военные годы. Сотрудничая в официозе правящей партии, он должен был придерживаться политики, проводимой словацком режимом, ориентированным на нацистскую Германию. До подписания советско-германского договора о ненападении это было в сущности несложно. Одновременно критикуя версальскую систему и большевистскую Россию, он как бы находился в русле нацистской пропаганды, которая при идеологической подготовке войны выставляла Германию как жертву несправедливости Версаля, так и главным борцом с мировым коммунизмом. А с другой стороны, ему, как патриоту и убежденному противнику советской власти, не приходилось в данном случае кривить душой.

¹ Slovák. 1942. 30 dec. S. 4. Dejinná úloha Japonska vo východnej Ázii; Slovák. 1942. 14 dec. S. 5. Zázračný rozkvet japonského priemyslu za ostatné desaťročie; Slovák. 1943. 27 jun. S. 4. Vojenská a medzinárodnepolitická situácia na Ďalekom východe.

Более сложная дилемма встала перед ним после заключения Пакта о ненападении. Тем не менее для него оказалось возможным принести в жертву свои антикоммунистические убеждения во имя величия родной страны, которое будет достигнуто через советско-германский союз, что, как Гарин-Михайловский, скорее всего, искренне считал, является объективной необходимостью. Но когда эти надежды рухнули и гитлеровская Германия напала на СССР, то следующий компромисс – свержение большевистского режима, но за счет порабощения Родины, оказался для него, как русского человека, видимо, недопустимым. Выступить против гитлеровской агрессии в легальной словацкой печати не представлялось возможным, поэтому оставалось молчать.

Список литературы

1. «Будучи враждебно настроен установившемуся советскому строю...» (Из архивного следственного дела на Г. Н. Гарина-Михайловского / опубл. Н. М. Перемышленникова // Отечественные архивы. 1997. № 3. С. 59–78.
2. Гарбульова Л. Жизнь русского дипломата Георгия Николаевича Гарина-Михайловского в Словакии // Проблемы истории русского зарубежья. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2008. С. 177–186.
3. Baka I. Politický systém a režim Slovenskej republiky v rokoch 1939–1940. Bratislava, 2010.
4. Beránková M., Křivánková, A., Ruttkay F. Dějiny československé žurnalistiky: Český a slovenský tisk v letech 1918–1944. III. díl. Praha, 1988.
5. Dragúň S. Nemecko-slovenská dohoda z roku 1942 o spolupráci nakultúrnom poli a jej realizácia v praxi // Historický časopis. 2007. 55. № 3. S. 559–576.
6. Duhajová Z. Dejiny slovenského novinárstva. Bratislava, 1999.
7. Fedor M. Bibliografía periodík na Slovensku v rokoch 1939–1944. Martin, 1969.
8. Garin-Michajlovskij J. Die Entstehung der Slovakischen Republik als historische Notwendigkeit der Entwicklung Europas. Bratislava, 1944.
9. Harbuľová L. Ruský diplomat Georgij Nikolaevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku // Historický časopis. 2005. 53. № 2. S. 355–364.
10. Serafinová D., Vatrál J. Náčrt dejín slovenskej žurnalistiky. Ružomberok, 2005.
11. Šefčák L., Duhajová Z. Dejiny slovenského novinárstva. Bratislava, 1999.
12. Tokárová Z. Nedemokratické režimy podľa Juana J. Linza a štátny režim na Slovensku 1939–1945 v jeho typológii // Človek a spoločnosť. 2015. 18. No. 4. S. 20–40.
13. Tušer A. Typológia periodickej tlače I. Lokálna a regionálna tlač. Bratislava, 1995.

Поступила 15.09.2016; принята к публикации 15.10.2016

Рандин Александр Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, Трнавский педагогический университет им. Кирилла и Мефодия, г. Трнава, Словацкая Республика, alexrandin@gmail.ru

**THE SECOND WORLD WAR THROUGH
THE EYES OF THE RUSSIAN EMIGRE.
PUBLICISM G. N. GARIN-MIKHAILOVSKY
IN THE NEWSPAPER “SLOVAK” (1939–1945)**

A. V. Randin

The article examines the attitude of Russian post-revolutionary emigration to the Second World War and to the Great Patriotic War of 1941–1945 on the example of analysis of extensive journalism G. N. Garin-Mikhailovsky, a former high-ranking Russian diplomat and a major international lawyer in the daily “Slovak” – the central press organ of the Slovak People's Party, ruling in the Slovak state (1939–1945). The author emphasizes that, cooperating in the main organ of political propaganda of the authoritarian Slovak state, the Nazi Germany's satellite and being an employee of the Slovak Foreign Ministry, Garin-Mikhailovsky was not free to express his views. Nevertheless, his articles reflected a profound dilemma that confronted Russian emigrants in the prewar and military period: the principal rejection of Soviet power and sincere patriotism, love of Russia. From this point of view, the journalism of Garin-Mikhailovsky is chronologically divided into two groups. In 1939–1941 he, having suppressed hatred for “Bolshevism”, very optimistically estimates the rapprochement between Germany and the USSR, natural geopolitical allies and “victims” of the Versailles system, which will allow his homeland to return to the number of great powers. Germany's attack on the Soviet Union was a tragedy for him, as can be seen from the nature of his journalism in the second half of 1941–1944. Garin-Mikhailovsky, apparently did not consider it possible for him to glorify the victory of “German weapons” on the eastern front in the spirit of the remaining materials of the “Slovak”. Therefore, he completely switches from Russian issues to criticism of “old colonial empires” (England and France) and an analysis of the international political and military-strategic situation in the Mediterranean, Pacific regions and the Middle East.

Keywords: Russian emigration, publicism, G. N. Garin-Mikhailovsky, Versailles system, World War II, Russian-German relations, Russian-English relations, Slovak state, Soviet-Finnish war, war in the Pacific.

Acknowledgements: the article was prepared as part of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Randin A. V. The Second World War through the eyes of the Russian emigre. Publicism G. N. Garin-Mikhailovsky in the newspaper “Slovak” (1939–1945). West – East. 2017, no. 10, pp. 48–64.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-48-64

References

1. «Buduchi vrazhdebno nastroen ustanovivshemusya sovetskomu stroyu...» (Iz arkhivnogo sledstvennogo dela na G. N. Garina-Mikhailovskogo [“Being hostile to the established Soviet system ...” (From the archival investigative case on G. N. Garin-Mikhailovsky]. opubl. N. M. Peremyshlennikova. *Otechestvennye arkhivy* = Domestic archives, 1997, no. 3, pp. 59–78. (In Russ.)
2. Garbul'ova L. Zhizn' russkogo diplomata Georgiya Nikolaevicha Garina-Mikhailovskogo v Slovaki [Life of the Russian diplomat Georgy Nikolaevich Garin-Mikhailovsky in Slovakia]. *Problemy istorii russkogo zarubezh'ya. Materialy i issledovaniya* = Problems of the History of the Russian Abroad. Materials and research, issue 2, Moscow, 2008, pp. 177–186. (In Russ.)

3. Baka I. Politický systém a režim Slovenskej republiky v rokoch 1939–1940 [Political system and regime of the Slovak Republic in the years 1939–1940]. Bratislava, 2010. (In Slovak).
4. Beránková M., Křivánková A., Ruttka F. Dějiny československé žurnalistiky: Český a slovenský tisk v letech 1918–1944 [History of Czechoslovak Journalism: Czech and Slovak Press in 1918–1944]. III. díl. Praha, 1988. (In Slovak).
5. Dragúň S. Nemecko-slovenská dohoda z roku 1942 o spolupráci nakultúrnom poli a jej realizácia v praxi [German-Slovak Agreement of 1942 on Cooperation in the Field of Culture and its Implementation in Practice]. *Historický časopis* = Historical magazine, 2007, 55, no. 3, pp. 559–576. (In Slovak).
6. Duhajová Z. Dejiny slovenského novinárstva [History of Slovak Journalism]. Bratislava, 1999. (In Slovak).
7. Fedor M. Bibliografia periodik na Slovensku v rokoch 1939–1944 [Bibliography of periodicals in Slovakia in the years 1939–1944]. Martin, 1969. (In Slovak).
8. Garin-Michajlovskij. J. Die Entstehung der Slovakischen Republik als historische Notwendigkeit der Entwicklung Europas [The emergence of the Slovak Republic as a historical necessity for the development of Europe]. Bratislava, 1944. (In German.).
9. Harbuľová L. Ruský diplomat Georgij Nikolaevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku [Harbuľová L. Russian diplomat Georgi Nikolaevich Garin-Mikhailovsky and his work in Slovakia]. *Historický časopis* = Historical magazine, 2005, 53, no. 2, pp. 355–364. (In Slovak).
10. Serafinová D., Vatrál J. Náčrt dejín slovenskej žurnalistiky [Sketch of history of Slovak journalism]. Ružomberok, 2005. (In Slovak).
11. Šefčák L., Duhajová Z. Dejiny slovenského novinárstva [History of Slovak Journalism]. Bratislava, 1999. (In Slovak).
12. Tokárová Z. Nedemokratické režimy podľa Juana J. Linza a štátny režim na Slovensku 1939–1945 v jeho typológii [Non-democratic regimes according to Juana J. Linza and state regime in Slovakia 1939–1945 in his typology]. *Človek a spoločnosť* = Man and Society, 2015, 18, no 4, pp. 20–40. (In Slovak).
13. Tušer A. Typológia periodickej tlače I. Lokálna a regionálna tlač [Experiment A. Typology of periodical printing I. Local and regional printing]. Bratislava, 1995. (In Slovak).

Submitted 15.09.2016; revised 15.10.2016

Aleksandr V. Randin, Ph. D. (History), Associate Professor, St. Cyril and Methodius University in Trnava, The Slovak Republic, Trnava, alexrandin@gmail.ru